

А. С. Журавлева

РАЗЛИЧИЕ БЕСКОНЕЧНОСТЕЙ КАК ГРАНИЦЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Аннотация: В исследовательской литературе существуют две традиционные точки зрения на проект универсальной характеристики Лейбница. Одни авторы представляют ее как логико-математическое исчисление понятий, другие — как «зеркало» мира. Различие этих интерпретаций, а также тексты Лейбница побуждают снова снова обратиться к смыслу этого проекта. Изложение монадологии проводится с помощью понятия бесконечности. Введение в рассуждение этого понятия иллюстрирует необходимое для определения роли универсальной характеристики, различие «областей» «бесконечных мира», Бога и монады, а также показывает границы применимости искусства универсальной характеристики. Универсальная характеристика как искусство определения может «работать» только в узком участке отчетливости, ограниченном бесконечностью мира и Бога. Но это не свидетельствует о ее недостаточности: с ее помощью выделяется порядок предустановленной гармонии начальных и конечных причин, позволяющий духам входить в Царство Благодати.

Ключевые слова: универсальная характеристика, бесконечность, порядок, монадология.

Abstract: There are in publications two traditional points of view at Leibniz's project of *characteristica universalis*. Some authors present it as the logic-mathematical calculus, others present it as a «mirror» of the universe. The dissimilarity of these interpretations and the works of Leibniz impel us to examine again about this project's sense. In the article demonstrates necessity of an inclusion the art of *Characteristica* in monadology. It is enable to give a possibility to understand its place in a total metaphysic project of Leibniz. An explication will be provided with the notion «infinity». This notion is good for a clarification of a distinction between the «realms» of infinite universe, God and monads. This notion also presents the limits of an application of this art. The infinities block our distinctive perception, but universal characteristic nevertheless let us to perceive the order of the preestablished harmony.

Keywords: universal characteristic, infinity, order, monadology.

При попытке определить, чем же является универсальная характеристика (*characteristica universalis*)¹ в метафизике Лейбница, перед исследователем сразу воз-

¹ Одни авторы представляют ее как логико-математическое исчисление понятий, другие — как «зеркало» мира. Несходство этих интерпретаций и сами тексты Лейбница побуждают нас снова обратиться к смыслу этого искусства. Настоящая статья предлагает один из возможных вариантов прояснения места универсальной характеристики в монадологии Лейбница. Изложение монадологии проводится с помощью понятия бесконечности.

© А. С. Журавлева, 2013

СОБЫТИЯ

никает несколько затруднений. Во-первых, самим Лейбницем она рассматривается одновременно и как способ исчисления понятий, и как всеобщий язык со своей собственной грамматикой. К тому же он создал несколько ее вариантов, основательно изменив первоначальный замысел языка, чьи знаки соответствуют сущности вещей. Во-вторых, существуют две традиционные трактовки универсальной характеристики. Согласно первой, самой распространенной, она является искусственным, чисто логико-математическим языком, созданным специально для очищения языка науки от двусмысленностей и неточностей естественного языка. На этом основании такие авторы, как Г. Фреге, Дж. Буль, Э. Кассирер, У. Эко, укореняют ее в традиции прочих искусственных языков (от универсального языка Джона Уилкинса до языка программирования).

Вторая интерпретация помещает универсальную характеристику в контекст традиций искусной памяти, пансофии, энциклопедизма и панметодизма, берущих начало из ренессансной магии и связанных с ней учений. В этом случае универсальная характеристика понимается (к примеру, П. Росси и Фр. Йейтс) как «зеркало» мира, точно отражающее все взаимосвязи между вещами так, как они есть на самом деле.

При сопоставлении этих интерпретаций возникает замешательство: ведь они слишком не схожи друг с другом. И одновременно при изучении текстов Лейбница по логике становится очевидным, что Характеристика недостаточно логична для языка науки и по причине своей излишней формализованности недостаточно онтологична для «зеркала» мира в духе Джордано Бруно. Не имея целью описать общий замысел этого проекта, в нашей статье мы хотели бы показать, какую роль выполняет искусство Характеристики в монадологии. Для того чтобы высветить место Характеристики, мы проанализируем понятие бесконечности, которое напрямую связано с различием мира, Бога и монады. Когда их соотношение и различие будут ясны, мы сможем точнее определить границы применимости Характеристики и следствия, вытекающие из этого.

Переходя к размышлению о бесконечности, сразу следует отметить, что медитация о бесконечности не столько дает знание о ней, сколько лишает твердой почвы под ногами (поэтому Лейбниц советует рассуждать о ней с особого рода осмотрительностью). Так, Паскаль в «Мыслях» описывает свой ужас перед всепоглощающей бесконечностью. Лейбниц же замечает, что рассуждения Паскаля являются лишь «входом» в его собственную систему. Не имея же представления о порядке различимости, мы утрачиваем способность не только вглядывания в определенность вещей, но и усмотрения природы бесконечного. Единственным выходом из создавшегося тупика является последовательное рассуждение. Его точность достигается посредством анализа и работой универсальной характеристики по преобразованию естественного языка.

Лейбницевские замечания и их разбор следует предварить анализом Спинозовского способа описания бесконечности. Спиноза в письме к Мейеру замечает, что обычно в рассуждениях об этом предмете не проводят необходимые различия, отчего и происходит большинство ошибок: «Вопрос о бесконечном всегда считался всеми в высшей степени затруднительным и даже неразрешимым. Происходило это оттого, что не делали различия между тем, что 1) бесконечно по самой своей природе или в силу самого своего определения, и между тем, что 2) не имеет никаких границ <...>

в силу своей причины. Далее, не делалось различия и между тем, что бесконечно, потому что не имеет никаких границ, и 3) тем, части чего не могут быть выражены никаким числом, хотя мы и имеем здесь некоторый максимум и некоторый минимум [между которыми заключены все части]. Наконец, не проводилось различия и между тем, что 1) можно постигать только интеллектом (*intelligere*), но не воображением, и 2) тем, что может быть также представляемо и в воображении (*imaginari*)»². Поэтому дальнейшей реализуемой Спинозой в письме задачей становится тщательное определение единственного способа говорения о бесконечном.

Итак, мы имеем следующую диспозицию. С одной стороны, из того, что человек конечен, не следует, что он ничего не может знать о бесконечном. С другой стороны, мы ограничены возможностями нашего языка и имеем дело только с приближениями к существу дела.

Согласно Лейбницу, существуют три вида, или степени, бесконечности. Первым видом, т. е. наиболее просто созерцаемым, являются, например, асимптоты функций или деление пополам. Всякую линию можно делить до бесконечности, и любая ее часть будет подобна другой. Таким образом, основанием этого вида бесконечности является подобие. Поскольку оно совершенно, т. е. задано основание подобия и это основание можно увидеть непосредственным образом на графике или в построении, постольку образованное им становится непрерывным. Так мы встречаемся с порядком непрерывности. Он весьма важен для мысли Лейбница, поскольку «создает совершенную непрерывность в плане последовательности, он создает нечто подобное и в плане одновременности, что дает нам заполненную реальность и позволяет относить пустые пространства к области вымысла»³. Поэтому к первому виду бесконечного относится все то, что создает «порядок возможностей всего универсума», а именно время пространство, протяженность и т. д., — все то, что существует благодаря неопределенности границ. Поскольку одно и то же основание может присоединяться к самому себе, постольку мы имеем дело здесь с феноменами, идеальными конструкциями (поэтому и абсурдна мысль, что не раз подчеркивает Лейбниц, о наибольшем числе или наибольшей линии). Мы никогда не встретимся с целой Вселенной, ведь здесь действует принцип «целое больше своих частей». Именно поэтому тело, как и пространство, представляет собой лишь агрегат, феномен без единства.

В рассуждении Лейбница появляются понятия «целого», «тождества», «единства», «основания». Так мы переходим ко второму виду бесконечности. «Второй вид бесконечного таков, что он есть величайший в своем роде, как, например, величайшее для всех пространственных вещей — это единство пространства, величайшее для всякой последовательности — вечность»⁴. Как мы уже увидели, подобное завершение невозможно в мире феноменов, а значит, здесь мы находимся в мире монад, или энтелехий как «истинных единств».

² Спиноза Б. Письмо к Мейеру // Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. Т. 2. М., 1957. С. 423.

³ Лейбниц Г. В. Два отрывка о принципе непрерывности // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1982. С. 212.

⁴ Leibniz G. W. On Spinoza's Ethics // URL: <http://www.humanities.mcmaster.ca/~rarthur/trans/8.On%20Spinoza's%20Ethics.pdf> (дата обращения: 11.11.2012).

СОБЫТИЯ

Бесконечность монады еще более «многовидна», чем бесконечность феноменов. Первой характеристикой монады является, как мы видели, истинное единство. Вторая ее характеристика, поскольку она наибольшее для вещей мира, есть способность полностью выражать весь универсум. Особой проблемой для Лейбница оказывается согласование положения о том, что монада актуально выражает собой всю бесконечность, тогда как ясно и отчетливо мы понимаем очень немногое. Ради прояснения согласованности восприятий и появляется термин «малая перцепция».

Наполненность универсума обеспечивается бесконечным числом монад. При этом между собой монады качественно различаются, что выражается бесконечно малой величиной. Ее статус не вполне ясен. С одной стороны, именно благодаря ей универсум полностью охвачен и выражен. С другой стороны, известно, что Лейбниц очень долго не мог определить, чем же являются бесконечно малые величины. Определение их как «полезных фикций», не существующих реально, но удобных для исчисления, применительно к его монадологии весьма смутно.

Третья характеристика бесконечности монады — принцип индивидуации, благодаря которому каждая монада есть неповторимое уникальное зеркало универсума. Это и обеспечивают малые перцепции. В бесконечном потоке выражения, несущем на себе следы прошлого и будущего, сохраняется одно и то же индивидуальное «Я». Это возможно, по мысли Лейбница, только благодаря тому, что всякая монада наполнена бесконечно малыми различиями. Но при этом очевидно, что должна быть некая причина, независимая от существования «Я», благодаря которой различные «Я» априорно объединяются в одном индивидуе. И этой причиной является индивидуальное понятие, включающее в себя не только память о себе, но «Я», отличающееся от всех остальных духов (правда, весьма смутным образом, как утверждает Лейбниц). К составу полного понятия относится также свободное решение Бога, ведь он актуализировал возможное индивидуальное понятие как бесконечную последовательность состояний не в отношении одного лишь индивида, но в отношении всего мира в качестве согласованной совокупности таких последовательностей. Поскольку мы имеем дело с результатом божественного выбора, постольку мы сталкиваемся с контингентностью.

Главной характеристикой контингентной истины выступает приведение к тождеству посредством истинных подстановок за бесконечное число шагов. Трудность обращения с бесконечностями очевидна: никто из смертных не в состоянии длить бесконечный анализ. Соответственно мы не можем вычленить основание, по которому существует эта вещь, а не иная. Чтобы найти принцип такого предпочтения, Лейбниц предлагает вывести формулу, повторяющееся основание, из которого можно увидеть, что в дальнейшем ходе анализа не возникнет противоречия. Это будет означать не совершенный анализ, но возможность истины. Если же выяснится, «что различие между теми, которые должны совпадать, становится меньше любого данного, то будет доказано, что предложение истинно»⁵.

Однако существуют и такие последовательности, в которых подобное основание не обнаруживается. «Но здесь возникает трудность: мы можем доказать, что некая

⁵ Лейбниц Г. В. Общие исследования, касающиеся анализа понятий и истин // Лейбниц Г. В. Соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1984. С. 590.

линия, а именно асимптота, постоянно приближается к другой и (так же как в случае асимптот), что два количества равны, показывая, что будет в случае бесконечно продолжаемой прогрессии. Так и люди будут в состоянии охватить случайные истины с полной определенностью. Но следует сказать, что хотя здесь и есть сходство, полного совпадения нет. И возможны отношения, которые, как бы далеко мы ни продолжали разложение, никогда не раскроют себя в той мере, в какой это необходимо для определенности знания, и могут быть постигнуты совершенно только тем, чей интеллект бесконечен. Конечно, как об асимптотических линиях, так и о несоизмеримых числах и о случайных истинах мы можем многое уяснить с определенностью, исходя из того самого принципа, что всякая истина должна быть доказуема; и отсюда если в предположениях все одинаково, то не может быть и никакого различия в заключениях и других вещах того же рода, которые истинны как для необходимых, так и для случайных предложений, поскольку они рефлексивны. Однако дать полное основание для случайных вещей мы также не можем, как не можем непрерывно следовать асимптотам и пробегать бесконечные ряды прогрессий чисел»⁶.

Поэтому всякий раз, когда мы имеем дело с любым фактическим высказыванием (даже с тождественным по форме, например, «Цезарь есть Цезарь»), мы не можем с абсолютной уверенностью утверждать, что оно тождественно, ведь требуемый для этого анализ бесконечен. Вполне вероятно, что в данном случае мы не сможем вычленивать то божественное решение, которое повлекло за собой существование этой истины. В таком случае начало индивидуации оказывается проблематичным. Такую же трудность представляет отделение существенных, первичных предикатов субъекта от несущественных, производных. К примеру, неясно, почему в качестве существенного для Иуды Лейбниц выбирает предикат «предатель»? Ведь при анализе истины «Иуда есть предатель» мы имеем дело с бесконечностью определений. Конечно, Бог обладает полным знанием о каждой конкретной монаде, но для нас, ограниченных в умении обращаться с бесконечностью, это невозможно.

Бесконечность анализа препятствует нам отчетливо представлять отличие не только истин факта от истин разума, такая же неотчетливость существует и при размышлении о существовании Бога и связанных с этим вопросах.

Давид Блуменфельд, ссылаясь на «Теодицею» и «Рассуждение о метафизике», показывает, что положение «Бог желает наилучшего» является контингентным высказыванием. И соответственно свойство уже существующего мира быть наилучшим также контингентно. Поэтому высказывание «Наш мир является наилучшим из возможных миров» может быть истинным (и тогда других миров не существует) или ложным (в каких-либо других мирах). Давид Вертер, радикализируя это положение, предполагает даже, что может существовать некий мир, в котором высказывание «Бог существует» будет ложным.

Наконец, Лейбниц говорит о третьем виде бесконечности, держащей собой первые два. Это абсолютная бесконечность Бога как творца универсума и «монады монад». Божественная бесконечность абсолютна и потому несоразмерна ни с чем.

⁶ Там же. С. 605.

СОБЫТИЯ

В письме Вариньону Лейбниц в итоге так и определяет бесконечность, чтобы отличить ее от конечного, — как несоразмерность. И существует, продолжает он, столько степеней несоразмерности, сколько мы пожелаем.

Возвращаясь к заявленной вначале теме Характеристики, мы видим важные следствия проведенного анализа различий бесконечностей.

Закон непрерывности создает не только феноменальный мир, но он также обеспечивает универсальной характеристике возможность верного перехода от одного истинного положения к другому. В этом и состоит цель любого духа: увеличивать долю отчетливых восприятий и уменьшать, насколько возможно, долю неотчетливых. Эта задача тем более оказывается важной, что она имеет следствием его счастье и блаженство. Последнее достигается посредством того, что дух, используя искусство Характеристики, «выходит» из лабиринта свободы, осознавая отсутствие внешней (в том числе и божественной) детерминации его поступков.

Но здесь же искусство одновременно и ограничивается: не всегда возможно, как мы показали выше, выделить основание контингентной истины и свести ее к необходимой. С этим и связана опасность размышления о бесконечности: она отнимает абсолютно достоверную, найденную Декартом меру нашего познания. Отсутствие меры, как кажется, пресекает возможность демонстрации, т. е. подстановки определений, ведущей к тождеству. Так, даже говоря о мире, мы не можем утверждать, что имеем дело с совокупностью реальных, а не воображаемых феноменов.

Имея перед собой подобную опасность, мы понимаем смысл универсальной характеристики. Несмотря на то, что мы находимся в состоянии неуверенности по поводу высказываемых нами истин, в любом случае мы, познающие, существуем в уже созданном мире, в котором выбран определенный порядок, т. е. согласованность начальных и конечных причин. Благодаря искусству Характеристики мы в состоянии видеть этот предустановленный порядок и входить в общение с Богом, что и открывает перед нами возможность вечного блаженства и мудрости.